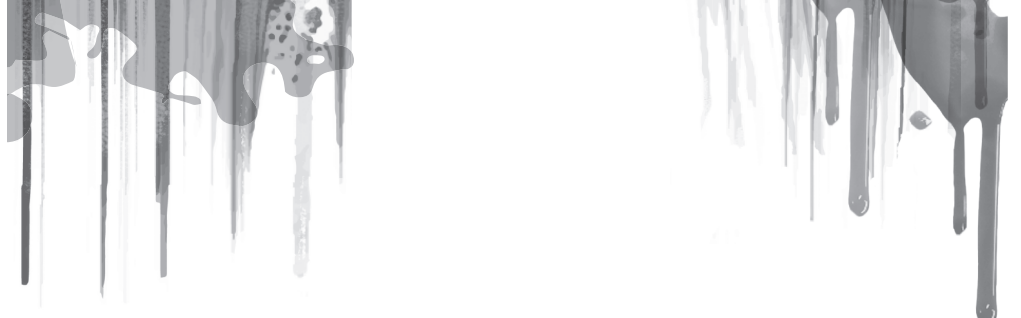

Часть 1

ПРИГЛАШЕНИЕ

Октябрь прошлого года

Я сделал еще один шаг в бездну.

— Что там, внизу? — спросил я ее.

Я чувствовал ее присутствие на лестнице.

— Не волнуйтесь, — ответила Рейчел. — То, что находится внизу, боится вас больше, чем вы его.

Я услышал, как она сдавленно хохотнула — смех застрял в горле, так и не достигнув губ.

Как обычно, я должен был увидеть все сам.

*Д-р Малкольм Адьюдел,
«Фантомы прерии»*

ГЛАВА 1

Пятница, 7 октября

Воздух полыхал.

В каменной стене наверху было прорезано громадное вытянутое готическое окно, за скошенными стеклами сияло вечернее солнце. В проникающих сквозь окно лучах танцевали пылинки.

А там, куда свет не доходил, в тени, не утихало движение.

Лица.

Внимательные. Тихие. Жадные.

Все глаза были направлены на мужчину лет сорока, с коротко, почти под ноль, подстриженными темно-каштановыми волосами. Симпатичный, высокий, одет в поношенные черные джинсы и рубашку хенли, под которой проступала стройная, умеренно мускулистая фигура. Закатанные рукава рубашки позволяли разглядеть скопище татуировок на левом предплечье. Кожа под чернилами была странная, словно изъеденная чем-то: по сути, всю левую руку и тыльную часть ладони покрывала рубцовая ткань. Темные линии змеились по руке на первый взгляд без всякого смысла, но в их абстрактном переплетении проступали силуэты.

Деревья. Полевой цветок. Пустая глазница черепа. И пламя, бесчисленные языки пламени, пожирающие все это.

Мужчина окинул взглядом три сотни студентов, сгрудившихся в амфитеатре лекционной аудитории Хоха в Будиг-холле. Куда ни повернись, повсюду восхищенные глаза. Официально студенты пришли сюда, чтобы слушать лекцию для первокурсников «Хоррор в массовой культуре: введение». Но он понимал, почему в зале нет ни одного свободного места. Он был не просто резидентом Лоуренса и выпускником Канзасского университета, он был автором бестселлеров, «экспертом» по ужасам.

Сэм провел ладонью по остриженной голове, почувствовал кожей короткие волоски.

Не облажайся! Ты же вроде как специалист по кошмарам.

Прошелся по аудитории, чувствуя, как все присутствующие следят за ним взглядом, точно хищники за жертвой.

— Чего мы не знаем? — задал он риторический вопрос, и голос эхом отозвался в самых темных и дальних уголках похожей на пещеру аудитории. — Что скрыто — намеренно скрыто — от нас? Готическая традиция имеет дело с тайнами, мрачными тайнами, ужасными тайнами, скрывающимися прямо за фасадом обычной жизни. Современный хоррор до сих пор находится под сильным влиянием этой традиции. Но тайны больше не поджидают нас в жутких старинных замках. Готика вторгается в нашу повседневную реальность. На старую ферму из «Техасской резни бензопилой».

В японский пригородный дом из «Проклятия». Даже на видеокассету из «Звонка». В литературе восемнадцатого-девятнадцатого веков зло, распространяющееся, подобно заразе, обитало в ветхих руинах — мы видим это в «Монахе» Льюиса, «Удольфских тайнах» Радклиф и «Мельмоте Скитальце» Метьюрина, — но теперь оно проникло в наши города, в наши пригороды, в наши дома. И это гораздо страшнее, не так ли?

По аудитории пробежал одобрителный шепот, несколько голов в многоглазой массе перед ним кивнули.

Сэм начал прохаживаться по аудитории быстрее, все более увлекаясь темой.

— Так что же делает роман однозначно готическим? В основе «Кошмара на улице Вязов» лежит тайна, которую родители с улицы Вязов скрывают от своих детей: они взяли закон в свои руки и убили Фредди Крюгера. В «Пиле» зритель гадает, кто такой Конструктор и что им движет. Так почему же в этих фильмах не чувствуется такой связи с готической традицией, как в других ужастиках?

Студенты неуверенно поглядывали друг на друга, никто не хотел первым дать неправильный ответ.

— Ну хорошо, — наконец сказал Сэм. — Есть несколько основных причин.

Воздух наполнил химический запах: Сэм снял колпачок с маркера. Повернувшись к висевшей на черной стене внушительной белой доске, он быстро вывел начальный пункт своего списка.

— Первое: зло исходит из одного места, — прочел он вслух написанное. Развернулся, оперся на массивную деревянную кафедру и обратился к аудитории: — Да,

уже из названия следует, что кошмар происходит на улице Вязов, но фильм как таковой не дает ощущения, что зло исходит именно отсюда. Мы почти ничего не узнаём о географии улицы Вязов, о том, как близко к ней находились обреченные детишки, не узнаём даже, действительно ли ужасные деяния Фредди совершались и совершаются только в этой части Спрингвуда. В итоге стерильно-безопасная улица Вязов оказывается не более чем эффектным контрастом для всепоглощающей угрозы «кошмара». Зато в «Техасской резне бензопилой» ужас сосредоточен в старом доме в техасской глубинке. Если бы роковое любопытство не привело подростков в логово Кожаного Лица, они бы остались целы. Зло — за той дверью. Не открывая дверь, и ничего не случится.

Маркер пискнул бурундуком, выписывая на доске следующий пункт.

— Второе: запретная история. С местом действия должна быть связана какая-то мрачная история, будь то любовная связь Квинта и гувернантки в «Повороте винта» или пригородная утопия «Полтергейста», где новенькие дома, как выясняется, возвели прямо на телах с оскверненного кладбища. Даже в этих случаях, когда сюжет прочно укоренен в области сверхъестественного, тайную историю намеренно скрывают от главных действующих лиц. Третье: атмосфера упадка и разрушения. Это может быть физическое разрушение, как в классике готической литературы: упомянутые мною ветхие руины и зловещие поместья до сих пор появляются в фильмах вроде «Других», «Женщины в черном» и «Багрового пика». Но разложение мо-

жет быть и психическим, как в «Жильце» Романа Полански, где главный герой переезжает в безобидную на первый взгляд квартиру и начинает терять рассудок. Чаще всего мы наблюдаем комбинацию первого и второго — упадок и разрушение физических объектов ведут к ментальному упадку персонажа. Мы встречаем это снова и снова в таких книгах, как «Призрак дома на холме», и таких фильмах, как «Девятая сессия», где очистка помещения заброшенной психиатрической больницы «рифмуется» с умопомешательством одержимого жаждой убийства начальника бригады. И наконец... — Сэм вывел на доске последний пункт. — Четвертое: совращение невинных. То бишь вас, ребята.

В аудитории раздался смех.

Сэм закрыл маркер колпачком, положил на бортик, идущий вдоль нижнего края доски, и вернулся к кафедре:

— Это, возможно, важнейший элемент любой хорошей готической истории. Уберите его — и что останется? Какая-то старая вонючая хибара с темным прошлым, о котором никто не помнит и на которое всем наплевать. А нам необходим персонаж, который обеспечит силам зла долгую жизнь. — Он достал с полки внутри кафедры потрепанную книгу и поднял повыше, демонстрируя аудитории изящный рисунок на обложке и набранные классическим шрифтом заглавие и имя автора. — «Уходя, гасите свет» Себастьяна Коула. У вас у всех должна быть эта книга.

Большинство студентов закивали, некоторые подняли свои экземпляры, показывая, что сделали, как велел Сэм: приобрели книгу.

— Вы, наверное, недоумеваете, зачем я заставил вас купить этот сборник, если мы собираемся обсуждать только один рассказ из него. Да потому, что Себастьян Коул — один из величайших авторов романов ужасов всех времен. И я хочу убедиться, что у вас у всех есть хотя бы одна его книга. Кто из вас уже читал Себастьяна Коула?

Поднялись несколько рук — увы, меньше, чем надеялся увидеть Сэм.

Прыщавый парень с центрального ряда выкрикнул:
— «Едва заметная тень»!

Сэм радостно кивнул:

— Есть мнение, что это лучшая книга Коула, хотя выбрать фаворита из обширного корпуса его работ затруднительно, по крайней мере, для меня. Итак, рассказ, который я попросил вас прочесть к сегодняшнему дню...

В воздух взвилась рука. Принадлежала она юноше ближневосточной наружности. Даже по тому, как парень сидел, было видно, что роста он выдающегося: длинные ноги неловко согнулись, колени упирались в сиденье впереди. Рука, казалось, сейчас дотянется до потолка.

— Да? — спросил Сэм.

— А ваши книги? — поинтересовался юноша. — Как все это отражается в них?

И тут же откуда-то из правой части аудитории другой, девичий голос выкрикнул:

— Расскажите про «Под ковром»!

Несколько не в меру рьяных студентов завопили и засвистели.

«Осторожнее, — напомнил себе Сэм. — Они хотят расколоть тебя, как орех».

Он сжал здоровой рукой другую, покрытую шершавой, словно у ящера, кожей.

Шум стих.

— О'кей. Это по-честному. Как готическая традиция представлена в моем творчестве? Ну что же, в «Под ковром» я попытался задействовать все четыре пункта и создать современный готический роман ужасов. Отец-одиночка, рабочий, переезжает со своим маленьким сыном на старую, заброшенную ферму в Оклахоме. Вот и первый пункт: зло исходит из одного места. Герой надеется, что потом и кровью сможет добиться урожая на здешней каменистой почве, сможет уговорить ее снова дать жизнь растениям, но он не знает, что этот забытый клочок земли стал бесплодным из-за событий, случившихся столетие назад. Если вы читали роман, то понимаете, о чем я. Если не читали, то я не буду портить вам удовольствие и скажу лишь, что здесь замешаны детоубийца, похищение ребенка и жестокая месть. Вот и второй пункт: запретная история. Третий пункт, упадок и разрушение, воплощен в самой ферме. Но также и в том, что происходит с отношениями отца и сына. Сначала — когда отцу не удается вырастить ничего, кроме сорняков, затем — когда у сына начинает проявляться странная, пугающая сверхъестественная сила. И вот вам четвертый пункт: совращение невинных. Видите ли, сила, которую начинает выказывать этот мальчик, — не Божий дар, а свидетельство того, что страшное зло хочет снова явиться в мир. Возьмите несколько сюжетных

параллелей, затрагивающих темы плодородия и уязвимой маскулинности, добавьте несколько на первый взгляд неожиданных смертей и поражающего воображение насилия, хорошенько взболтайте, украсьте сверху потайным люком, который располагается в буквальном смысле «под ковром», и наслаждайтесь густым, насыщенным вкусом современного готического хоррора, достаточно острого, чтобы вы не забывали: для детского питания этот напиток не подходит.

В аудитории раздалась добродушные смешки. Подняла руку бледная рыжеволосая девушка. И, даже не дожидаясь, когда Сэм ее заметит, спросила:

— В чем ваша тайна?

Сэм почувствовал запах дыма. Дыхание перехватило, он чуть не закашлялся. Воздух внезапно обрел резкий серый привкус золы и пепла.

— Простите, — сказал он, с трудом переведя дух. — Что вы имеете в виду?

— Вы говорили, что все эти книги и фильмы — про тайны, верно?

Тонкие губы девушки едва шевелились, голос был такой тихий, что, пытаясь расслышать студентку, Сэм невольно наклонился вперед. От этого непроизвольного движения его внезапно охватила необъяснимая тревога.

— Да... — начал Сэм.

Студенка не дала ему продолжить:

— Вы говорили, что литература — дело интимное, что писатель всегда вкладывает в свою историю частичку самого себя. Так в чем же ваша тайна?

Сэм молчал.

С последнего ряда выкрикнули:

— Она спрашивает, почему вы пишете ужастики.

Сэм посмотрел туда, откуда шел голос. Узкий луч света уже пересек аудиторию, но пока достиг только средних рядов. Галерка практически терялась во тьме. Угадать, какая из сидящих там бесформенных теней заговорила, было невозможно.

Тонкая струйка дыма скользнула вниз по горлу, между легких, сдавила тело изнутри, заставила Сэма выдохнуть сквозь зубы. Дымная змея свернулась под ребрами и сжала свои кольца еще туже, просунула серую голову в трахею. Задрала морду, ткнулась в верхние доли легких, ища лазейку.

— Почему вы пишете ужастики? — снова громыхнул голос.

Сэм Мак-Гарвер уже не стоял в просторной лекционной аудитории Канзасского университета.

Ему было десять лет, его одежда была запачкана чужой кровью, его лицо освещали яростные отблески неукротимого огня. Жалкий мальчишка, крохотный силуэт на фоне адского пламени.

Теперь уже взрослый, Сэм молча стоял перед студентами, пока не прозвенел звонок, избавив его от вопроса, отвечать на который он не хотел.

Илай Блок в измятом костюме сидел на веранде пивной «Фри Стэйт» с пинтой пива в одной руке и телефоном — в другой. К выпивке он еще толком не притронулся. Сейчас Илай был озабочен двумя задачами: написать помощнику ругательное электронное письмо, используя минимум знаков, и дожидаться своего самого важного клиента, Сэма Мак-Гарвера.